

Отпричастные *-ши-*
формы в двух
псковских и одном
смоленском говорах:
сопоставление
подсистем*

Participial *shi*-forms
in Two Pskov and
One Smolensk
Dialects:
A Comparison of
Subsystems

**Мария Вадимовна
Ермолова**

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН,
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Maria V. Ermolova

Vinogradov Institute for Russian
Language
of the Russian Academy of Sciences,
HSE University,
Moscow, Russia

Георгий Алексеевич Мороз

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

George A. Moroz

HSE University,
Moscow, Russia

Резюме

В статье сопоставляется функционирование *-ши-*форм (типа *оставши*) в двух псковских говорах (говоре близко расположенных деревень Западнодвинского района Тверской области и одном опочечком говоре) и в смоленских

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01097, <https://rscf.ru/project/24-28-01097/>

Цитирование: Ермолова М. В., Мороз Г. А. Отпричастные *-ши-*формы в двух псковских и одном смоленском говорах: сопоставление подсистем // *Slověne*. 2024. Т. 13, № 2. С. 157–183.

Citation: Ermolova M. V., Moroz G. (2024) Participial *shi*-forms in Two Pskov and One Smolensk Dialects: A Comparison of Subsystems. *Slověne*, Vol. 13, № 2, p. 157–183.

DOI: 10.31168/2305-6754.2024.2.06

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International

говорах Хиславичского района Смоленской области. В псковских говорах эти формы выступают в разных предикативных функциях: они не только встречаются в составе так называемого перфекта, но и используются для обозначения продолжительного действия, а также фактически в качестве главного предиката в обстоятельственной клаузе. Смоленские говоры отличаются от псковских прежде всего частотностью употребления *-ши*-форм. Учитывая меньшую развитость в них архаических предикативных функций, *-ши*-форм вне результативных употреблений, а также значительно больший процент атрибутивных употреблений, можно сделать вывод о постепенной потере причастием предикативности и, следовательно, начавшемся разрушении категории перфекта. Это разрушение сопровождается, однако, не «неправильным», нерезультативным употреблением *-ши*-форм в качестве *-л*-форм и не лексикализацией *-ши*-форм, а повышением доли атрибутивных употреблений и общим снижением частотности форм.

Ключевые слова

северо-западный перфект, русские диалекты, результатив, *-ши*-формы

Abstract

The paper compares the functioning of the *shi*-forms in two Pskov dialects and one Smolensk dialect. Participial forms have different predicative functions in the Pskov dialects: they are not only used as part of the so-called perfect, but also to designate a continuous action and as a main predicate in the adverbial clause. The Smolensk dialect differs from Pskov dialects, first of all, as to the frequency in the use of the *shi*-forms. Taking into account the lesser development of the archaic predicative functions of the *shi*-forms outside of the resultative use and considering the larger percentage of the attributive use in the Smolensk dialect we can conclude that the *shi*-forms there are gradually losing predicativity and that the perfect as a grammatical category is in the state of deterioration. However, this deterioration is not accompanied by the “incorrect”, non-resultative use of the *shi*-forms as *l*-forms and the lexicalization of the *shi*-forms, but rather by an increase of their attributive use and a general decrease in their frequency.

Keywords

North-Western perfect, Russian dialects, resultative, *shi*-forms

0. Вводные замечания

Как известно, русские западные говоры (северо-западные в большей степени, юго-западные в меньшей) характеризуются наличием так называемого нового (от)причастного перфекта на *-ши*- и/или *-но/-то-* (см., например, [Кузьмина, Немченко 1971: карта 4]). В частности, употребление этих форм распространено в псковских и смоленских говорах [Ibid.: Захарова, Орлова 2004: 126, 149–150]. Существует множество различных типов (от)причастного перфекта: в зависимости от

соотношения форм на *-ши-* и *-но-/-то-* (в говоре могут активно употребляться оба типа форм или преобладать только один), от того, как выражается субъект/объект, от переходного или непереходного глагола образуется форма и проч. (см. [Кузьмина, Немченко 1971]). При этом различия в употреблении как наблюдаются в разных группах говоров (см. [Ibid.; Трубинский 1984]), так и, как будет показано ниже, могут характеризовать разные говоры внутри одной группы. Несмотря на крупнейшие труды [Кузьмина, Немченко 1971; Трубинский 1984], представляющие собой «энциклопедию по синтаксису причастий в русских говорах» [Дьяченко et al. 2020: 54], актуальным является детальное описание частных систем и их сопоставление друг с другом. Представляется, что при большем количестве накопленного материала это позволит в будущем лучше понять грамматическую семантику изучаемых форм, проследить пути эволюции их грамматического значения, определить первичность/вторичность различных функций (от)-причастных форм и предсказать их дальнейшее развитие.

В настоящей статье описывается синтаксис и грамматическая семантика *-ши-*форм¹ в одном псковском говоре близко расположенных деревень (Шетнево, Макеево, Щелкино, Степаньково) Западнодвинского района Тверской области (далее — Мак.), находящимся на границе со смоленскими говорами, и в смоленских говорах Хиславичского района Смоленской области (далее — Хис.). Полученные данные сопоставляются с данными одного опочецкого говора Псковской области (далее — Оп.), описанным в [Дьяченко et al. 2020; Ермолова 2022], с привлечением еще не опубликованного материала.

По употреблению *-ши-*форм говоры Мак. близки к говору Оп. (хотя некоторые различия в функционировании есть): в них категория перфекта хорошо развита, результативные употребления причастий значительно преобладают над нерезультативным употреблением. В Хис. же у грамматической категории перфекта, по всей видимости, обнаруживаются признаки разрушения. Формы на *-ши-* встречаются значительно реже, чем в Мак. и Оп., доля нерезультативных употреблений относительно результативных значительно больше, чем в анализируемых псковских говорах.

Статья состоит из четырех разделов. В первом дается краткая характеристика говоров и описываются принципы отбора диалектного материала. Во втором описывается функционирование *-ши-*форм

¹ Терминами «*-ши-*формы» и «(от)причастные формы» условимся называть все формы, восходящие к действительным причастиям прошедшего времени, вне зависимости от их синтаксической функции и варианта суффикса (в современных говорах возможны варианты *-ши*, *-ше*, *-ша*, *-чи* (см. подробнее [Кузьмина, Немченко 1971: 12–13]).

в составе перфекта, в третьем рассматриваются *-ши*-формы в других функциях, в четвертом проводится сопоставительный анализ полученных данных.

1. Характеристика говоров и принципы отбора материала

Говор Мак. принадлежит псковской группе среднерусских акающих говоров, но находится на границе со смоленскими говорами, относящимися к южнорусскому наречию (см. [Ронько et al. 2023]). В [Пшеничнова 1996] выделяется отдельная группа южнопсковских говоров, к которым относится и говор Мак. Формы, участвующие в образовании перфекта, представлены двумя типами: образованные с помощью действительных (*-ши*, *-вши*, *-дчи*) и страдательных (*-н/-т-*) суффиксов. Страдательные причастия образуются от переходных глаголов, действительные — от непереходных и возвратных, при этом возвратные глаголы в (от)причастных формах теряют постфикс (см. [Ронько et al. 2023]).

Данные по говору получены из корпуса [Шетнево, Макеево] (14 часов записи, всего 95335 слов, учитывая только слова информантов): с помощью запросов [word='*ши'%с], [word='*дчи'%с] были извлечены и проанализированы контексты с действительными причастиями.

Опочецкие говоры по [Образование 1970] относятся к псковской группе западных среднерусских говоров. (От)причастные формы образуются с помощью и действительных, и страдательных суффиксов. В [Дьяченко et al. 2018] сказано, что распределение суффиксов в перфектных конструкциях в опочецких говорах строго зависит от переходности/непереходности глагола (непереходные глаголы образуют (от)причастные формы с помощью суффиксов *-ши/-лши-*, переходные — с помощью суффиксов *-н/-т-*) и что «это правило не знает исключений» [Ibid.: 65–66]. В работе же [Гребенкина 2019: 18–19] приводятся примеры из опочецкого говора, где *-ш*-причастия образованы от переходных глаголов. От возвратных глаголов перфектные формы образуются с суффиксом *-ши/-лши-* без постфикса: *осталши*, *настоялши* (см. [Дьяченко et al. 2020: 65]).

В статье анализируется один опочецкий говор по 4,5-часовому разговору с Екатериной Григорьевной Федоровой² (1929 г. р., 4 класса, родилась в д. Самсоново; далее — ЕГФ), записанному в д. Сорокино во время диалектологической экспедиции, в которой, кроме автора, принимали участие Р. В. Ронько и студенты НИУ ВШЭ. Речь ЕГФ представляет строгую языковую систему, в которой последовательно

² Речь этого информанта описывается также в других работах, ср. [Дьяченко et al. 2018].

реализуется множество диалектных черт, не изменяющихся под влиянием литературного языка.

Говоры Хиславичского района Смоленской области относятся к западным говорам южнорусского наречия [Захарова, Орлова 2004: 33–35] (по классификации [Карский 1903: карта; Дурново, Соколов, Ушаков 1915: карта] — к северо-восточным говорам белорусского языка) и находятся на границе с Беларусью, в связи с чем обсуждаемая территория характеризуется специфической языковой ситуацией [Рыко, Спиричева 2022: 122]. Как и в говорах, о которых шла речь выше, перфект образуется с помощью и активных, и пассивных суффиксов. Суффикс действительных причастий *-ши-* (после согласных) и *-вши-/мши-* после гласных (при варианте *-ми-* глагольный суффикс *и* превращается в *о*: *родёмши*) (подробнее см. [Цейтина 2022]). Действительные причастия могут образовываться как от переходных, так и непереходных глаголов (см. [Ibid.]).

Данные по говору получены из корпуса [Рыко, Спиричева 2020] (27 часов, всего 286327 слов, учитывая слова только информантов) с помощью запроса с [word='.*ши'%s] и дальнейшим ручным отбором подходящих контекстов.

2. *Ши*-формы в составе перфекта

Основной функцией *-ши*-форм в говорах, где они существуют, является перфектная. Под перфектом в настоящей статье, вслед за И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко, будем понимать систему «грамматических единиц, специально предназначенных для выражения состояния, явившегося результатом предшествующего действия»³ [Кузьмина, Немченко 1971: 219]. В категорию перфекта входят формы настоящего, будущего и прошедшего времен, а также формы сослагательного наклонения (*он (есть) /был/будет/ был бы вставши*). В пункте 2.1. описывается *-ши*-форма в составе этой категории в Мак. и Оп., в пункте 2.2. — в Хис. В каждом пункте рассматривается сначала устройство грамматической

³ «Типологические исследования показывают, что перфект и результатив — это не синонимичные понятия; один из сценариев развития перфектных форм предполагает эволюцию от результата к перфекту и далее к претериту (см., например, [Недялков, Яхонтов 1983; Маслов 1983; Плунгян 2016]). В отношении того, чем же являются анализируемые диалектные формы, в научной литературе нет единого мнения. Чаще всего понятия «перфект» и «результатив» применяются к ним как синонимы (например, [Кузьмина, Немченко 1971; Трубинский 1983, 1984; Danylenko 2005; Jung 2014; Wiemer 2017]). Попытка разобраться, чем же именно являются рассматриваемые конструкции, предпринята в [Seržant 2012]. Автор приходит к выводу, что ситуация в русских говорах представляет собой промежуточную стадию между результативом и перфектом [Ibid.: 6]. Для целей данной работы, однако, решение этого вопроса представляется непринципиальным» [Ермолова 2022: 248–249].

категории, затем лексико-грамматический состав *-ши*-форм в составе перфекта. В 2.3. материал трех говоров сопоставляется.

2.1. Говоры Мак. и Оп. В Мак. на результативное употребление *-ши*-форм приходится 104 формы из 130, что составляет 80 % от всех употреблений *-ши*-форм, в Оп. — 142 формы из 162, что составляет 88 %. Материал Мак. рассматривается подробно, материал же Оп. детально описан в [Дьяченко et al. 2018; Ермолова 2022], поэтому из Оп. разбираются только еще не опубликованные примеры, релевантные для обсуждаемой проблемы.

2.1.1. Устройство грамматической категории. В Мак. из 104 форм 83 формы употреблены без связки, 20 — со связкой в прошедшем времени и 1 форма — в сослагательном наклонении. Обратимся сначала к формам без связки. За исключением трех контекстов, все они выражают результат, отнесенный к настоящему, ср:

- (1) (На вопрос интервьюеров, где кошка) *Где-то тут спряталиши;*
- (2) *Как-то одичавши. А раньше вот было праздники, один к одному ходили* — информантка говорит о том, что сейчас все одичали, общаются друг с другом меньше, чем раньше;
- (3) (Информантка о ребенке) *Хозяйство, он на работу войдет, надо корову подоить, бросить не бросить, пока заснёт — тогда бежишь. Пока делаешь, придёшь — он уже вставши;*
- (4) *Не, он уже отслуживши, в армии;*
- (5) (Спрашивает интервьюеров, где они остановились в деревне) *А где вы остановивши?*
- (6) *И дома, видать, вот, не живут, — заросши травой;*
- (7) *Вот там я родивши.*

В контекстах (8–9), а также (17), который будет разобран ниже, причастие без связки обозначает результат, отнесенный к прошлому:

- (8) *А тут вот это...Был. Приехали это... Приехадчи со своей...с девушкой. Правнук. С Ленинграда тут были, отдыхали — племянник с девушкой уже уехали, т. е. он «был приехавшим», а потом вернулся в Ленинград;*
- (9) *Да. Вот эта медичка, про которую вам рассказывала. Ивановна. Вот она. Медичка была у нас, работала. Она тоже работала много лет тут у нас. А потом сын был на Украине, её забрал туда. Вот. А она заболевши... И там она и... И батька умёр там, и она умерла у них. А не тут — «медичка» заболела, в результате чего умерла, поэтому форма заболевши выражает результат в прошлом, позднее потерявший свою актуальность.*

Связка отсутствует также в единственном примере с сослагательным наклонением:

- (10) (На вопрос, от чего заговаривала местная колдунья) *Дочь, она знала, я не знаю, от испуга наверно знала, чтоб человек спугавши примерно — по всей видимости, речь идет о таком заговоре, 'если бы человек испугался / [был] испугавшимся' (чтобы, видимо, является здесь изъяснительным союзом). Здесь очевиден результативный компонент — 'если бы человек оказался в состоянии страха', однако связки *был* нет.*

Как подробно обсуждалось в работах [Скачедубова 2018; Ермолова 2022], использование результативной формы без связки в отношении прошедшего и будущего времен, а также в сослагательном наклонении связано со спецификой грамматического значения, ею выражаемого: результативное значение выходит на первый план, временное же значение нейтрализуется, поэтому указание на временной план совершения действия при результативной форме является факультативным. Представляется, что такое употребление свидетельствует не об утрате *-ши*-форм и их сближении с *-л*-формами, как предполагается в [Кузьмина, Немченко 1971: 198], а наоборот, о высокой степени развитости значения результата и его закрепленности в грамматической системе.

-Ши-формы со связкой в прошедшем времени выражают результат, отнесенный к прошлому, ср.:

- (11) *Нумосквичи, бывало, раньше эту постройку, постройки искали продажные, были нахлынувши;*
 (12) *Бывало раньше, как было, были мальчуганы вон тут у этого у Артёма яички катали, собравши были;*
 (13) *Уже война была кончивши, женщина померла;*
 (14) *Думала, как ничего еще не заболевши была, купить, думала, в апреле привезут рано, куплю;*
 (15) *Ну тогда и молодежи было больше как-то. Ещё не разошёдчи были.*

Во многих (но не во всех) языковых системах результативные / перфектные формы не употребляются с обстоятельствами времени, указывающими на момент совершения действия (см., например, [Dahl 1980: 19–20; Князев 2007: 510]). Так, например, обстоит дело в английском языке. В русском литературном языке, однако, как показывает Ю. П. Князев [Князев 2007: 510–514], пассивный перфект на *-н/-т-* с такими обстоятельствами совместим, ср.: *Шкаф сделан ровно **сто лет назад*** (А. П. Чехов, «Вишневым сад»); ***21 мая** на заседании краевой избирательной комиссии принято решение удовлетворить просьбу*

гражданки Поповой (Известия, 22.05.1999); *Игорь убит на войне в 1941 году* (В. Шефнер, «Имя для птицы»). Диалектный перфект, как отмечается в [Трубинский 1984: 160], с обстоятельствами времени несовместим. Однако в собранном материале такие примеры есть. Встает вопрос, как интерпретировать эти случаи. Они свидетельствуют либо об утрате *-ши*-формами результативности и их сближении с *-л*-формами, либо о том, что в рассматриваемых говорах результативные формы могут сочетаться с обстоятельствами времени, как форма на *-н/-т-* в русском литературном языке. Рассмотрим примеры:

- (16) *Я сушила одежду, ребята-то были маленькие, один в ноябре родивши, другая в декабре* — как кажется, форма на *-ши* имеет результативное значение: дети родились (являются рожденными) в ноябре и декабре и до сих пор живы. Впрочем, здесь можно усматривать и атрибутивную функцию: ‘дети были маленькие: один ноябрьский, другой декабрьский’;
- (17) *Бабе моей, было мамке... Девяносто второй год. Она родивши в десятом году. Считайте, сколько* — данный пример аналогичен предыдущему, однако действие *родивши* прекратило свое действие, так как мать информантки умерла. Следовательно, при *-ши*-форме ожидалась бы связка в прошедшем времени и этот контекст пополняет группу примеров (8–9), рассмотренных выше, где результативная форма употребляется без связки для обозначения результата, отнесенного к прошлому;
- (18) *Сегодня кто-то был приехадчи. Машина стояла* — в данном случае *-ши*-форма употреблена со связкой в прошедшем времени, так как информантка не знает, сохраняется ли результат действия на момент говорения: кто-то был приехавшим, а уехали приехавшие или нет, неизвестно;
- (19) *На пять дней были приехадчи, на день города ездили* — здесь форма перфекта сочетается с указанием на продолжительность времени. Тем не менее она может интерпретироваться как имеющая результативное значение: внуки были приехавшими (и находились в деревне) на 5 дней;
- (20) *Сейчас стыдно ему пить — два внука, вот у него вчера были приехадчи, маленькие* — даже из более широкого контекста непонятно, уехали внуки на момент разговора или нет. Если нет (что кажется наиболее вероятным), то употребление при *-ши*-форме глагола-связки в прош. вр. не очень понятно, так как внуки на момент сообщения все еще являются приехавшими. Тогда мы здесь имеем дело с «неправильным» употреблением перфектной формы. Чем оно вызвано, трудно сказать, так как других подобных примеров нет. Причину можно было бы видеть, допустим, в утрате категории перфекта, однако обычно это проявляется в использовании *-ши*-форм в качестве *-л*-форм [Кузьмина, Немченко 1971: 198], чего нет в анализируемом контексте (замена (от)причастной формы на *-л*-форму в сочетаниях

со связкой в прошедшем времени дает не существующую в литературном языке конструкцию типа *были приехали*).

Примеры с обстоятельствами встречаются и в Оп. у ЕГФ, у которой категория перфекта выражена крайне последовательно (см. [Ермолова 2022]). Как кажется, в отношении всех них можно говорить о результативном значении:

(21) *Вот так у меня: семья большая, только я все одна. **Были не так давно** сюда приехали они все;*

(22) *И **тогда** был приехали;*

(23) *И тот приехали **нынче**, и сено, и снег у меня выносил.*

Последовательность в выражении результативного значения, стройность в устройстве этой грамматической категории и в Мак., и в Оп. говорят о том, что употребление *-ши*-форм с обстоятельствами времени является нормой для обсуждаемой системы, а не свидетельством ее разрушения.

2.1.2. Лексико-грамматический состав *-ши*-форм в составе перфекта. Если говорить про лексический состав словоформ, то по частоте и в Мак., и в Оп. первое место занимают глаголы движения СВ с корнями *-ех-*, *-ид-* (*уехать*, *приехать* проч.), второе — глаголы с корнем *-мер-* (*умереть*, *помереть* и проч.), третье — лексема *остаться* (см. таблицы 1 и 2), что согласуется с данными по частотности лексем в [Кузьмина, Немченко 1971: 145–159; Трубинский 1984: 158–159]. Процент употреблений, приходящихся на перечисленные три группы, в Мак. и Оп. одного порядка: 52 % и 46,6 % соответственно.

Таблица 1. Лексическая распределенность *-ши*-форм в Макеево

Глагольная форма	Количество употреблений	Процент от всех результативных употреблений <i>-ши</i> -форм
<i>понаехадчи</i>	2	
<i>приехадчи</i>	19	
<i>пришѐдчи</i>	2	
<i>разошѐдчи</i>	1	
<i>разъехачи</i>	4	
<i>уехадчи</i>	2	
<i>ушѐдчи</i>	1	
	Всего: 31	30 %
<i>отмерши</i>	2	
<i>померши</i>	8	
<i>умерши</i>	6	
	Всего: 16	15 %
<i>оставши</i>	7	7 %
		Всего: 52 %

Таблица 2. Лексическая распределенность *-ши*-форм в Опочке

Глагольная форма	Количество употреблений	Процент от всех результативных употреблений <i>-ши</i> -форм
<i>вышедши</i>	11	
<i>поехалиши</i>	1	
<i>приехалиши</i>	15	
<i>пришедши</i>	6	
<i>прошедши, прошелиши</i>	2	
<i>разошедши</i>	2	
<i>уехалиши</i>	6	
<i>ушедши</i>	3	
	Всего: 46	33 %
<i>перемырши</i>	1	
<i>померши</i>	10	
<i>умерши</i>	1	
	Всего: 12	8 %
<i>оставши</i>	8	7 %
		Всего: 47 %

Кроме перечисленных в таблице, в Мак. зафиксированы словоформы от еще 30 лексем (если глагол возвратный, то это помечено в скобках): *вернувши (вернуться)*, *вставши*, *выпивши*, *давши*, *заболевши*, *закрывши (закрыться)*, *замерзши*, *заросши*, *застывши*, *кончивши (кончиться)*, *наляпивши (налепиться)*, *нахлынувши*, *обогнувши (обогнуться)*, *одевши (одеться)*, *одичавши*, *оставши (остаться)*, *остановивши (остановиться)*, *отслуживши*, *переставши*, *посмотревши*, *привыкши*, *пропавши*, *родивши (родиться)*, *сваливши (свалиться)*, *сбравши (собраться)*, *согнувши (согнуться)*, *сохранивши (сохраниться)*, *спряталши (спрятаться)*, *установивши*, *устроивши (устроиться)*. Глаголы, за исключением трех (*выпивши*, *давши*, *посмотревши*), являются непереходными (переходные глаголы в рассматриваемых говорах образуют пассивный перфект на *-н/-т-* (см. [Ронько et al. 2023])). Приведем примеры с переходными глаголами⁴:

(24) *Вон сколько он прожил, посмотревши;*

(25) (Про сошедшего с ума и спившегося соседа) *В голову давши, это заходит же, видно ж.*

Состав лексем в Оп. богаче, чем в Мак. Кроме перечисленных в таблице трех лексических групп, зафиксировано 45 глаголов со следую-

⁴ В задачи настоящей работы не входит обсуждение вопроса, как именно образование перфекта в говорах связано с переходностью глагола: учитывается ли в принципе потенциальная возможность глагола управлять В. п. или возможность присоединить В. п. в конкретном контексте. В статье в рамках детального описания функционирования *-ши*-форм фиксируются все примеры, в которых представлены глаголы, которые могут быть переходными.

щими словоформами (если глагол возвратный, то это помечено в скобках): *высохши*, *досталиши* (*достаться*), *заболелиши*, *заросши*, *застылиши*, *испекши*, *надорвалиши* (*надорваться*), *наседелиши* (*наседеться*), *наталиши*, *научилиши* (*научиться*), *нашедши* (*найтись*), *обвилиши*, *обметалиши*, *осыпалиши* (*осыпаться*), *отдалилиши* (*отдалиться*), *отправилиши* (*отправиться*), *отработалиши*, *отсиделиши*, *отцвелиши*, *перебилиши* (*перебиться*), *переделалиши* (*переделаться*), *погибши*, *поделилиши* (*поделиться*), *поднялиши* (*подняться*), *поелиши*, *попалиши*, *привыклиши*, *приползиши*, *провинилиши* (*провиниться*), *пропалиши*, *разбилиши* (*разбиться*), *развязалиши* (*развязаться*), *растянулиши* (*растянуться*), *родилиши* (*родиться*), *сбылиши* (*сбыться*), *свалилиши* (*свалиться*), *свилиши* (*свиться*), *сгнилиши*, *сломалиши* (*сломаться*), *собралиши* (*собраться*), *сплелиши* (*сплестись*), *справилиши* (*справиться*), *спряталиши* (*спрятаться*), *явилиши* (*явиться*). 3 или 4 глагола (в зависимости от интерпретации контекста) являются переходными. Рассмотрим примеры с ними:

- (26) (Про гада, т. е. змею) *Их там густо. А он кругом сосну обвилиши — и сюда;*
- (27) *У меня от глаза было заболелиши лицо. Все лицо было обметалиши — в примерах (26–27) при переходных глаголах стоит объект: он (гад) обвил сосну, лицо обметало;*
- (28) *Я поелиши, перед вам поелиши, я только два раз ем — наличие обстоятельства времени *перед вам* (т. е. «перед вашим приходом») исключает атрибутивную интерпретацию *поелиши* (т. е. в значении «я съта»);*
- (29) *И туда яйцо положен, так испекши — ЕГФ рассказывает, как испекла пирог. В данном контексте непонятно, имеем мы дело с переходным глаголом *испечь* (тогда *так испекши* означает «так испекла») или с возвратным (следовательно, непереходным) глаголом *испечься* (тогда *так испекши* означает «так испекся/так испеклось»).*

Если пример (29) является в определенной степени неоднозначным, то в отношении (26–28) можно с уверенностью говорить об употреблении переходного глагола; в (26–27) при глаголе стоит объект в В. п. Таким образом, утверждение о том, что в опочечких говорах «в роли сказуемых в перфектных конструкциях [...] перфектные формы с *-ши*-причастиями образуются только от непереходных глаголов» [Дьяченко et al. 2020: 61] нуждается в корректировке: *-ши*-формы, как и в Мак., могут образовываться и от переходных глаголов. При этом, по всей видимости, это не связано, как предполагается в [Кузьмина, Немченко 1971: 129] с «внутренним разрушением системы». Как показано в [Ермолова 2022], перфектное значение у ЕГФ реализуется крайне последовательно, с особенностями, возможными только в живой системе,

употребление же *-ши*-формы в функции *-л*-формы не фиксируется. Вопросы выбора залога перфектной формы остается открытым. Вполне возможно, употребление активной причастной формы от переходного глагола связано с нейтрализацией залогового значения, известной всем славянским языкам (подробнее см. [Ермолова 2020]).

2.2. Говоры Хис. В корпусе говоров Хис. встретилось всего 40 *-ши*-форм, из которых на перфектное употребление приходится 24, что составляет 60%. Количество *-ши*-форм на 27 часов записи, представленных в корпусе, очень мало по сравнению с количеством *-ши*-форм в Мак. и Оп.: 104 и 162 формы, приходящихся на 14 и 4,5 часов записи соответственно. Процент результативных употреблений относительно всех контекстов с *-ши*-формами также меньше, чем в Мак. и Оп., где он составляет 80% и 88% соответственно.

2.2.1. Устройство грамматической категории. Из 23 результативных контекстов в двенадцати *-ши*-формы употребляются со связкой в прошедшем времени, обозначая результат, отнесенный к прошлому (примеры (33–35)), в одиннадцати связка отсутствует, *-ши*-форма маркирует результативное действие, относящееся к плану настоящего (примеры (30–32)), ср.:

- (30) Я родивши в Стайках;
- (31) И там только оставши её внуки. Она сама померла, дочка её был. Одного года со мной, тоже померла уже;
- (32) У меня сейчас правнук появивши;
- (33) Так она этый привозила брызгать, как завязь завязывалась. Ну я купила две пачки. И огурцы побрызгала, так помидоры они были уже завязавши, а те цвели и завязывались;
- (34) Четверо сынов было, все были на войне... Двое были отслужомши. Их забрали, когда война началась;
- (35) Мы после, як нас освободили. Немцев выгнали. То лопаточками землю копали. Тут же ничего не было оставши. Я знаю, что такое голод.

Дважды *-ши*-форма без связки используется для выражения результата в прошлом, ср.:

- (36) Ну, у него были осколки... И до смерти не повышедши — информантка рассказывает про ранение брата, пришедшего с войны, и говорит о том, что осколки от снаряда «не были вышедшими до самой смерти». Обстоятельство «до смерти» маркирует временную границу, до которой распространяется действие результата, обозначенного *-ши*-формой;

(37) *Мой брат помирал, я... Уже померши. Привезли они его двору* – информантка рассказывает о том, как хоронили ее брата. Сначала говорит, что брат умирал, потом поправляется, что он уже умер. То есть действие *померши* является результатом действия, совершившегося до следующего действия в прошлом *привезли*, поэтому здесь можно констатировать пропуск связки *был*.

С одной стороны, употребление *-ши*-форм в примерах (36–37) нормально для форм, выражающих грамматическое значение результата (см. примеры из Мак. (8–10, 17) и комментариев к ним). С другой стороны, значительно меньшее количество *-ши*-форм в Хис. по сравнению с Мак. и Оп. при значительно большем корпусе позволяет допустить разрушение перфекта в говоре. Если признавать морфологическое объяснение пропуска связки верным, то следует сделать вывод о том, что разрушение перфекта происходит не за счет сокращения типа контекстов, в которых они могут употребляться, как можно было бы ожидать. В то же время можно предположить, что отсутствие связки при *-ши*-форме в (36–37) объясняется ее употреблением в качестве *-л*-формы. В использовании *-ши*-форм аналогично *-л*-формам «проявляется тенденция к утрате предикативными причастными образованиями на *-ши* их специфики, вытекающей из именной сущности, – к сближению этих образований с глагольными формами (на *-л*)» [Кузьмина, Немченко 1971: 198]. Кроме того, если считать рассматриваемое употребление формы *повышедши* и *померши* «неправильным», то еще одним фактором, способствующим использованию ее, а не *-л*-формы, может служить характер лексемы и определенная степень лексикализованности: как было сказано выше, глаголы движения и глаголы с корнем *мер* лидируют по частоте употребления в говорах с «новым» перфектом.

2.2.2. Лексико-грамматический состав *-ши*-форм в составе перфекта. По частоте использования в Хис. лидируют те же глаголы, что и в Мак. и Оп. и в говорах с новым перфектом в принципе: глаголы движения СВ, глаголы с корнем *-мер-* и глагол *остаться* (см. таблицу 3). Распределение внутри этих трех групп несколько иное, чем в Мак. и Оп., однако как-либо интерпретировать данный факт едва ли представляется правомерным, так как количество результативных контекстов с *-ши*-формами крайне невелико. Тем не менее стоит отметить, что процент употреблений от наиболее частотных лексем составляет 43 % при 52 % и 47 % в Мак. и Оп., что говорит о том, что утрата грамматических форм, выражающих перфектное значение, не сопровождается их лексикализацией, как можно было бы предполагать.

Один раз встретилась форма глагол НСВ *остававши*, ср.:

(38) *Интервьюер: А волосы оставади́сь, да?*

Информант: Не оставади́сь, повырастили уже.

Интервьюер: Повырастили?

*Информант: Никого, ничего не было остававши — в данном случае использование глагола НСВ, а не СВ (*остававши*, а не *оставши*) может быть спровоцировано двумя употреблениями глагола *оставаться* перед этим: сначала интервьюером, а потом информантом. Кроме того, форму *остававши* можно рассматривать и как имеющую статально-перфектное значение и выражающую «состояние, рассматриваемое на фоне вызвавшего его предшествующего действия» [Маслов 2004:426].*

Таблица 3. Лексическая распределенность *-вши*-форм в Хиславичах

Глагольная форма	Количество употреблений	Процент от всех результативных употреблений <i>-ши</i> -форм
<i>поехавши</i>	2	
<i>повышедши</i>	1	
	Всего: 3	13 %
<i>померши</i>	1	
<i>умерши</i>	1	
	Всего: 2	8,6 %
<i>оставши</i>	4	
<i>остававши</i>	1	
	Всего: 5	21,7 %
		Всего: 43,3%

Кроме перечисленных в таблице лексем, зафиксировано 12 глаголов со следующими словоформами (если глагол возвратный, то это помечено в скобках): *заблудивши* (*заблудиться*), *завязавши* (*завязаться*), *надевши*, *отслужёвши*, *погибши*, *появивши* (*появиться*), *привыкши*, *продоёмши*, *пропавши*, *распустёмши*, *родёмши*, *явивши* (*явиться*). 4 из них являются переходными: *родить*, *продойти*, *надеть*, *распустить*. Рассмотрим примеры:

(39) *Родила, она родёмши была;*

(40) *Руки-то больные, вот, коров продоёмши, все суставы больные, всё;*

(41) *А я не знаю, как она называлась. Её обычно не закручивали, а... она висела. Или волосы распустёмши был. А она не закручивала, невеста, косы. У нее была она висела, заплетена, или распуцен волос был.*

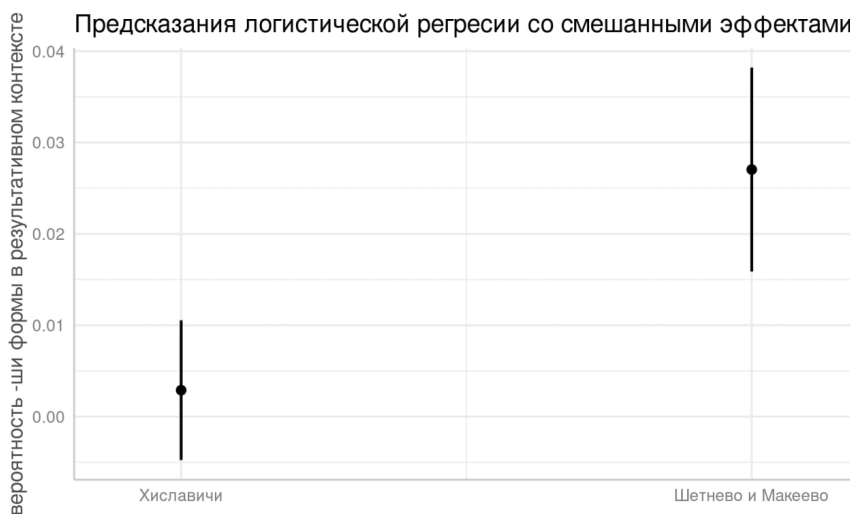
В (41) здесь речь идет о том, какого вида косу заплетала невеста. Грамматическим субъектом при *распустёмши был*, исходя из контекста, может быть либо невеста, либо волосы. В обоих случаях мы имеем дело с несогласованной связкой *был*. Употребление связки м. р. при

подлежащем не мужского рода изредка встречается в говорах с «новым» перфектом (ср. примеры из *О. Я в автолавку ходила, уже шапку был одет* (пример приведен в [Ермолова 2022: 94]; *У меня был насушен два мешка сухарей ему* (пример из [Дьяченко и et al. 2018: 295])), что, по всей видимости, объясняется еще большей грамматикализацией перфектных форм (см. [Seržant 2012: 14; Ермолова 2022]). Правда, подобное объяснение для говора, в котором предполагается разрушение перфекта, кажется маловероятным. Вполне возможно, что в действительности субъектом при *распустёмши был* является не мн. ч. *волосы*, а ед. ч. *волос*, ср. далее в речи информанта: *распущен волос был*. Какой бы субъект из трех мы ни предполагали (*невеста*, *волосы* или *волос*), форма *распустёмши* получается образованной от переходного глагола *распустить*. Если считать, что подлежащим является *волосы* / *волос*, то мы имеем дело с употреблением *-ши*-формы в страдательном значении вместо *распущен* (ср. в конце высказывания *распущен волос был*). Такое употребление встречается в русских говорах с «новым» перфектом, однако в смоленских говорах оно не отмечено (см. карту 4 в [Кузьмина, Немченко 1971]).

(42) *Ну а всё равно. Та толстей нога, которую покусала змея. Я, говорит, иду и думаю, чи крапивой мне стрекануло ногу, говорит, в сапогах была наделиши* — предложение в *сапогах была наделиши* грамматически неверное. Вполне возможно, что оно является контаминацией «в сапогах была» и «сапоги надела». В любом случае, глагол *надеть* является переходным.

2.3. Сопоставление функционирования результативных *-ши*-форм в рассматриваемых говорах. Как уже было сказано в 2.2., число *-ши*-форм в Хис. (40 форм) в несколько раз меньше их количества в Мак. (104 формы) и Оп. (162 формы), хотя корпус Хис. значительно больше. Доля *-ши*-форм, на которые приходится результативное употребление, также меньше: 58 % против 80 % и 88 % в Мак. и Оп. Как видно на рис. 1, вероятность употребления *-ши*-форм в результативном значении в Хис. значительно ниже, чем в Мак.

Как кажется, это свидетельствует о том, что в Хис. *-ши*-формы утрачивают результативную функцию. Если учесть факт также меньшего количества в Хис. причастий на *-н/-т-* по сравнению с Мак. и Оп. (см. [Войтович 2023: рукопись]), можно сделать вывод о более непоследовательной выраженности перфектного значения в Хис. Встает вопрос, следствием чего является эта непоследовательность: процессом утраты, деграматикализации перфекта или, наоборот, его становлением. По материалам [Кузьмина, Немченко 1971], Хис. относятся к говорам, в

которых частотность *-ши*-форм во много раз ниже, чем в северо-западных говорах, в частности, в Псковских. Однако выяснить, изменилась ли частотность перфектных форм, не представляется возможным.

Надежными свидетельствами утраты грамматического значения перфекта были бы случаи «неправильного» употребления *-ши*-форм в качестве аналогов *-л*-формам и большая степень их лексикализации по сравнению с Мак. и Оп. Однако ни первого, ни второго мы констатировать не можем. В Хис. есть два контекста (36–37), для которых можно было предположить употребление *-ши*-формы в качестве *-л*-формы, однако возможна его интерпретация и как демонстрирующего достаточную степень грамматикализованности перфектных форм.

Таким образом, по типам контекстов принципиальных различий в функционировании *-ши*-форм в Мак., Оп. и Хис. нет. Меньшее разнообразие употреблений *-ши*-форм в Хис. может объясняться их меньшей частотностью, причины которой (деграмматикализация форм или, наоборот, более ранняя ступень грамматикализации), опираясь лишь на результативные употребления, установить сложно, однако некоторые предположения можно сделать, учитывая употребление *-ши*-форм в других функциях, о которых будет сказано ниже.

⁵ Для проверки статистической разницы в вероятности употреблений *-ши*-форм мы использовали логистическую регрессию со смешанными эффектами (носитель помещается в случайный свободный член). Разница оказалась статистически значима (степени свободы = 30.699866, t-статистика = 3.568, p-уровень значимости = 0.0012).

3. -Ши-формы не в составе перфекта

Помимо перфекта, *-ши*-формы в говорах с «новым» перфектом могут выполнять функции обстоятельства и атрибута, а также выступать как независимая глагольная форма, обозначающая продолжительное действие (см. [Кузьмина, Немченко 1971], [Рыко 2002], [Дьяченко et al. 2018], [Ермолова 2022]). Ниже рассмотрим, какие из этих функций и каким образом представлены в анализируемых говорах.

3.1. -Ши-формы для обозначения продолжительного действия. В Мак. выделяется ряд примеров, в которых *-ши*-форма, образованная от глаголов НСВ, используется для обозначения продолжительного действия. В Оп. (см. подробнее [Ермолова 2022]) и в Хис. такие употребления отсутствуют. Рассмотрим примеры:

- (43) *Это наш родительский дом тот там... это был, одному вот так москвичу продали, а потом не стал ездить он, **четыре года** не стал ездить, говорю: «Тань, ну до конца мы избу, она сгниёт, не топивши⁶, надо ж дом-то ж топить-то деревянный». Что ты говорю сам не топивши?»* — Информантка возмущается, что новый хозяин их родительского дома четыре года не ездил и не топил избу, из-за чего дом может сгнить. *-Ши*-формой обозначается длительное действие (точнее, его отсутствие): на протяжении четырех лет хозяин не топил избу;
- (44) *Пусть лето тяжело, **столько живши годов** всё в деревне на своей родине. Не хочу никуда уезжать* — *-ши*-форма используется для подчеркивания длительности обозначаемого действия. Как и в примере выше, на длительность указывается и обстоятельствами времени (в (43) это *четыре года*, в (44) — *столько годов*). Форму *живши* теоретически можно рассматривать и как употребленную в обстоятельственном значении в функции деепричастия: 'Столько лет живя в деревне на своей родине, не хочу никуда уезжать'. Однако наличие паузы между двумя клаузами свидетельствует скорее в пользу того, что обе они являются независимыми;
- (45) *Тогда как-то и правда весе[лее], теперь уже какое веселье? Уже **век живши**. Теперь не интересно ничего* — при том что общий смысл (от)причастной клаузы совершенно ясен ('Уже жизни прожили / уже век живем'), интерпретация грамматического значения формы *живши* вызывает ряд вопросов. Обычная замена *-ши*-формы на *-л*-форму для «перевода» на литературный русский дает нам странное с грамматической точки зрения в данном контексте предложение *Уже век/жизнь жили*. По всей видимости, форма *живши* обозначает, с одной стороны, продолжительное действие, как в примерах (43–44), с другой — действие, длящееся в мо-

⁶ Данная форма рассматривается ниже, см. пример (55).

мент говорения, т. е. выступает примерно как английский *present perfect continuous*. Вполне возможно, что такой пример говорит о дальнейшей грамматикализации результата и его превращении в перфект — сценарий так называемого «перфектного круга», типологически характерный для перфектных форм (подробнее см. [Маслов 1983; Плунгян 2016]);

- (46) *Конечно, мы ж собравши, молодежь шла. И пели, и шѣдчи* — информантка рассказывает о том, как праздновали масленицу: “И пели, и шли”. Как кажется, функция формы *шѣдчи* совпадает с функцией *-ши*-форм НСВ в соседних говорах Торопецко-Холмского региона, которую описывает А. И. Рыко: причастия НСВ «выступают в значении актуально-длительного (длящегося в момент наблюдения) или континуального (просто длящегося) действия, одновременного с другим действием» [Рыко 2002: 191] (ср. примеры из [Ibid.]: *Ну, бывало, кончим ужин, убираем, а ребята сидевша; А мой уже сидевша муж, у меня уже ребенок есть, муж говорит...*) В (46) действие *шѣдчи* является фоновым по отношению к действию *пели*: ‘пели, пока шли’.

Таким образом, в разобранных четырех примерах (43–46) *-ши*-форма выступает в трех различных функциях, общим для которых является обозначение ею продолжительного действия. Первая функция (примеры (43–44)) — это обозначение действия, отличающегося от других своей продолжительностью, что подчеркивается и лексическими маркерами (обстоятельствами времени). Вторая (пример (45)) — подчеркивание продолжительного действия, длящегося и в момент говорения. Третья (пример (46)) — маркирование фонового действия. Представляется, что такое употребление не свидетельствует о разрушении категории результативности. Специфичность контекстов, наличие характерных лексических маркеров, свидетельствующих о верности предложенной интерпретации значения *-ши*-формы, а также невозможность заменить *-ши*-формы на *-л-* в (45–46) говорит о том, что перед нами особая функция (от)причастного образования, известная причастиям с древности (см., например, [Ермолова 2020а: 94]). Употребление же *-ши*-формы в примере (45) в значении, близком английскому *present perfect continuous*, иллюстрирует, возможно, постепенный переход результата в перфект — процесс, типологически характерный для эволюции перфектных форм.

3.2. *Ши*-формы в функции глагольного обстоятельства. Одной из функций *ши*-форм в говорах, в которых есть так называемый новый перфект, является обозначение обстоятельства аналогично деепричастию в литературном языке. В отличие от деепричастия в литературном языке, *-ши*-форма в этой функции может образовываться от глаголов и СВ, и

НСВ, при этом субъекты главной клаузы и клаузы с *-ши-*формой могут различаться.

Использование *-ши-*форм в качестве глагольного обстоятельства у ЕГФ подробно описано в [Ермолова 2022]. На него приходится 18 примеров из всех 130 контекстов с *ши-*формами, что составляет 11 %: в этой функции употребляются глаголы обоих видов, и субъект при *-ши-*форме может отличаться от субъекта при главной клаузе, т. е. причастие фактически оказывается главным предикатом зависимой клаузы с обстоятельственным значением, ср.:

(47) *Садится скорее, никто не селиши, есть. Съест* — «Вы себе делайте, я уже все съел» — ‘Садится скорее, пока / когда / а никто еще не сел (за стол)’.

Такое употребление, по всей видимости, является архаизмом, а не новой чертой, так как его знают древнерусские и старорусские памятники (см. [Ермолова 2022]).

Аналогичная ситуация наблюдается в Мак. На 130 всех контекстов с *-ши-*формами приходится 18 примеров с обстоятельственным употреблением, что составляет 14 %. Рассмотрим несколько примеров с глаголами СВ с совпадающими субъектам причастной и финитной клауз:

(48) *Пришѣдчи, в ногах валялся, чтобы я никому не сказала;*

(49) *Ко мне зашѣдчи, говорит...*

(50) *Они не расписавши, так и прожили и умерли* — данный контекст можно интерпретировать по-разному. *-Ши-*форма употреблена либо в деепричастной функции (‘Они не расписавшись, так и прожили и умерли’), либо в атрибутивной (‘Они прожили и умерли нерасписавшимися’), либо в результативной. В последнем случае нам надо предполагать пропуск связки: ‘Они не были расписавшимися; так и прожили и умерли’.

Приведем примеры с глаголами НСВ:

(51) *Да я тут никуда не хожу, куда я пойду, не знавши;*

(52) *Все забыла, век живши;*

(53) *Не стеснявши, доча, бери эту;*

(54) *И что я — не понимавши, взяла, дай поглажу его.*

В одном примере субъекты причастной и финитной клауз различаются:

(55) *Тань, ну до конца мы избу, она сгниёт, не топивши, надо ж дом-то ж топить-то деревянный* — ‘Если избу не топить, она сгниет / *Не топя избу, она сгниет’.

В Хис. встретилось всего 3 примера, в которых *-ши*-форма выступает в обстоятельственном значении, что составляет 8% от общего числа употреблений. Во всех случаях употреблен глагол НСВ, субъекты при причастии и финитной форме совпадают, ср.:

(56) *Где же он придёт, не знавши?*

(57) *Я говорю, сюда ехавши, целый... наварцала торбу, я говорю;*

(58) *А тогда, когда уже она заморится, сидевши, тогда они её в хату уведут.*

Таким образом, обстоятельственная функция хорошо развита в Оп. и в Мак., в Хис. она представлена реже; кроме того, конструкции в Хис. характеризуются меньшим разнообразием: во всех трех зафиксированных примерах субъекты зависимой и главной предикаций совпадают, в то время как в Мак. и в Оп. они могут различаться.

3.3. *-Ши*-формы в функции атрибута. *-Ши*-формы могут употребляться в функции предикативного атрибута, а также в чисто атрибутивной функции. У ЕГФ встретилось всего 2 примера, по одному на каждую функцию (подробнее см. [Ермолова 2022]), что составляет 1% от всех употреблений *ши*-форм. В Мак. таких контекстов 4 (3%). В трех из них *-ши*-форма употребляется в качестве предикативного атрибута:

(59) *А утром, домой приходишь утром, придёшь невыспавши — опять на работу надо — ‘придешь невыспавшийся’;*

(60) *И холодно было, а что сделать — сидели одевши — ‘сидели одетые’;*

(61) *Это ещё так, я дома не одевши, так, болтаюсь — ‘я дома болтаюсь не одетая’.*

Один раз она зафиксирована в чисто атрибутивной функции:

(62) *Уже умёрши есть, и стоят порожные дома — ‘Уже есть умершие, и дома стоят пустые’ (информантка описывает ситуацию с жителями и домами в деревне).*

В Хис. примеров с *ши*-формой в атрибутивной функции 13 (32%), что относительно общего числа *-ши*-форм значительно больше, чем в Мак. и Оп. (см. таблицу 4 ниже). Приведем примеры:

(63) *Ну да, она же три дня, не... Ну помёрши лежала — ‘лежала мертвая’;*

(64) *Ладно, он и выпивши потопит, а сейчас трошку полежит — ‘потопит выпившим (в состоянии опьянения)’;*

(65) *А потом уже у меня нервы успокоятся, думаю, ну что он не евши тут, не пивши — ‘думаю, ну что он тут голодный’;*

(66) *Им, говорят, нормально, ну Вовка придёт, сейчас подвыпивши, лежит — ‘сейчас пьяный, лежит’.*

4. Анализ полученных данных

Как было разобрано выше, по функционированию *-ши*-форм ожидаемо близки два псковских говора (Мак. и Оп.), смоленские же говоры Хис. отличаются по ряду параметров.

В Мак. и Оп. развита категория результативности: *-ши*-формы регулярно употребляются для выражения результата в настоящем (без связки) и прошлом (как со связкой, так и без), состав лексем, от которых образуются *ши*-формы, разнообразен. При этом *-ши*-формы в обоих говорах встречаются и от непереходных, и от переходных глаголов, что едва ли обоснованно связывать с «внутренним разрушением системы» [Кузьмина, Немченко 1971: 129]. Как показано в [Ермолова 2022] и выше в 2.1, грамматическое значение результата реализует себя и в Мак., и в Оп. очень последовательно. Вариативность в выборе действительной или страдательной результативной формы от переходного глагола может быть связана с нейтрализацией залогового значения при выражении результативного значения, известной славянским языкам (см. [Ермолова 2020]).

Следующей по количеству употреблений функцией *-ши*-форм в Мак. и Оп. является функция глагольного обстоятельства. Причастие в этой функции может образовываться от глаголов и СВ, и НСВ, а также выступать при субъекте, отличном от субъекта при финитной форме.

Меньше всего примеров с *-ши*-формами в Мак. и Оп. приходится на атрибутивную функцию — 2% и 4% соответственно.

Если говорить о разнице между Мак. и Оп., то в Оп. *-ши*-формы встречаются чаще, чем в Мак.: так, на 4,5 часа записи у ЕГФ встретилось 162 формы, в Мак. на 14 часов записи — 130. Кроме того, в Мак. есть функция *-ши*-форм, отсутствующая как в Оп., так и в Хис., — обозначение продолжительного действия. Эта функции близка функции *-ши*-форм, описанной в [Рыко 2002] на материале говоров Торопецко-Холмского региона, однако фоновое значение, сопровождающее *ши*-формы при обозначении продолжительного действия, не является обязательным в Мак.

Таким образом, в Мак. и Оп. причастия выступают в разных предикативных функциях: не только встречаются в составе так называемого перфекта, но и используются для обозначения продолжительного действия, а также фактически в качестве главного предиката в обстоятельной клаузе. Последние две функции, по всей видимости, являются архаизмом (см. [Ермолова 2022]).

Как уже было сказано выше, Хис. отличаются от Мак. и Оп. прежде всего частотностью употребления *-ши*-форм: на 27 часов записи приходится всего 40 форм (в принципе меньшая частотность *ши*-форм в

юго-западных говорах по сравнению с северо-западными отражена на карте 4 в [Кузьмина, Немченко 1971]). Характер употреблений *-ши*-форм в результивной функции в целом соответствует картине, представленной в Мак. и Оп.: они используются без связки для выражения результата в настоящем, со связкой — для выражения результата в прошлом; также зафиксировано две формы, которые могут быть проинтерпретированы как употребленные без связки для обозначения результативности в прошедшем, что вписывается в представления о грамматическом устройстве категории результата. Степень лексикализованности *ши*-форм при этом в Хис. находится на уровне Мак. и Оп. (даже несколько меньше). В связи с этим возникает вопрос, имеем мы дело с системой, утрачивающей грамматическое значение результата, или, наоборот, развивающей, как это происходит во многих современных славянских идиомах (см., например, [Giger 2003; Wiemer, Giger 2005; Piskorz 2012; Макарова 2016]). Учитывая меньшую развитость в Хис. архаических предикативных функций *-ши*-форм вне результивных употреблений по сравнению с Мак. и Оп. (так, в Хис. отсутствуют употребления *-ши*-формы в качестве деепричастия при самостоятельном субъекте и для обозначения продолжительного действия), а также значительно больший процент атрибутивных употреблений (32% в Хис. по сравнению с 3% в Мак. и 1% в Оп., см. таблицу 4), как кажется, можно сделать вывод о постепенной потере причастием предикативности и, следовательно, начавшемся разрушении категории перфекта (результивные конструкции со страдательным причастием также встречается значительно реже, чем в Мак. и Оп., см. [Войтович 2023: рукопись]). Это разрушение сопровождается, однако, не «неправильным», нерезультивным употреблением *-ши*-форм в качестве *-л*-форм (процесс, который, по замечаниям [Кузьмина, Немченко 1971: 198] в разной степени характеризует все говоры с «новым» перфектом) и не лексикализацией *-ши*-форм, а повышением доли атрибутивных употреблений и общим снижением частотности форм.

Таблица 4. Функциональное распределение *-ши*-форм

	Макеево	Опочка	Хиславичи
Процент результивных <i>-ши</i> -форм от общего числа <i>-ши</i> -форм	80 % (47%) ⁷	88 % (52 %)	60 % (43 %)
Процент <i>-ши</i> -форм в функции глагольного обстоятельства от общего числа <i>-ши</i> -форм	14 %	11 %	8 %
Процент <i>-ши</i> -форм в атрибутивной функции от общего числа <i>-ши</i> -форм	3 %	1 %	32 %
Процент <i>-ши</i> -форм, употребленных для обозначения продолжительного действия	3 %	0 %	0 %

⁷ В скобках указан процент словоформ, образованных от наиболее частотных лексем.

Библиография

Войтович 2023

Войтович Е. Е., *О перфектных конструкциях со страдательным причастием в западных русских говорах (корпусное исследование)*, рукопись.

Гребенкина 2019

Гребенкина М. Г., *Результатив и перфект в одном опочецком говоре*, курсовая работа (НИУ ВШЭ).

Дьяченко et al. 2018

Дьяченко С. В., Жидкова Е. Г., Малышева А. В., Ронько Р. В., Тер-Аванесова А. В., Экспедиция в Опочечкий район Псковской области, *Русский язык в научном освещении*, 2018, 2 (36), 257–313.

——— 2019

Дьяченко С. В., Жидкова Е. Г., Тер-Аванесова А. В., *Формы перфекта и перфектные конструкции в говорах под Опочкой*, *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 2019, 22: Материалы международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии» (27–29 мая 2019 г.), 213–229.

——— 2020

Дьяченко С. В., Жидкова Е. Г., Тер-Аванесова А. В., *Причастия прошедшего времени и формы прошедшего времени в говорах под Опочкой*, *Труды института русского языка им. В.В. Виноградова*, 2020, 1 (23), 53–88.

Дурново, Соколов, Ушаков 1915

Дурново Н. Н., Соколов Н. Н., Ушаков Д. Н., *Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением Очерка русской диалектологии*, Москва, 1915.

Ермолова 2020

Ермолова М. В., *Об одном разночтении в Новгородской Первой летописи старшего и младшего изводов*, *Вопросы языкознания: Мегасборник наностатей. Сборник статей к юбилею В. А. Плунгяна*, Москва, 2020, 529–533.

——— 2020a

Ермолова М. В., *О соотношении -л-форм и причастий на -ъш- / -въш- в древнерусском языке*, *Вопросы языкознания*, 2020, 3, 78–100.

——— 2022

Ермолова М. В., *К вопросу о причастном функционировании -л-формы в истории русского языка в свете русских диалектных данных и инославянского материала*, *Slověne*. 2022, 11/1, 245–280.

Захарова, Орлова 2004

Захарова К. Ф., Орлова В. Г., *Диалектное членение русского языка*, Москва, 2004.

Карский 1903

Карский Е. В. *Белоруссы*, 1: Введение в изучение языка и народной словесности, Варшава, 1903.

Кузьмина, Немченко 1971

Кузьмина И. Б., Немченко Е. В., *Синтаксис причастных форм в русских говорах*, Москва, 1971.

Князев 2007

Князев Ю. П., *Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе*, Москва, 2007.

Макарова 2016

Макарова А. Л., *О формах и функциях перфекта в западномакедонских диалектах*, *Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*, XII, 2: Исследования по теории грамматики, 7: Типология перфекта, С.-Петербург, 2016, 217–234.

Маслов 1983

Маслов Ю. С., Результатив, перфект и глагольный вид, *Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект)*, Ленинград, 1983, 41–54.

——— 2004

Маслов Ю. С., *Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание*, Москва, 2004.

Недялков, Яхонтов 1983

Недялков В. П., Яхонтов С. Е., Типология результативных конструкций, *Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект)*, Ленинград, 1983, 5–41.

Образование 1970

Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров, Орлова В. Г., отв. ред., Москва, 1970.

Плунгян 2016

Плунгян В. А., К типологии перфекта в языках мира: Предисловие, *Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*, XII, 2: Исследования по теории грамматики, 7: Типология перфекта, С.-Петербург, 2016, 7–36.

Пшеничнова 1996

Пшеничнова Н. Н., *Типология русских говоров*, Москва, 1996.

Ронько et al. 2023

Ронько Р. В., Азанова А. С., Анисимов А. Д., Войтович Е. Е., Заливина Е. А., Землянская С. А., Марченко И. А., Мочульский Д. И., Псковский говор деревень Шетнево, Макеево, Терехово и Степаньково Западнодвинского района Тверской области. Элементы корпусного описания и полевые материалы, *Русский язык в научном освещении*, 2023, 1 (45), 216–262.

Рыко 2002

Рыко А. И., Причастия на -ши в одном западнорусском говоре торопецко-холмского региона, *Русский язык в научном освещении*, 2002, 2 (4), 171–193.

Рыко, Спиричева 2020

Рыко А. И., Spiricheva M. V., Corpus of the Russian dialect spoken in Khislavichi district 2020, Moscow, Linguistic Convergence Laboratory, HSE University, (<http://lingconlab.ru/khislavichi/>).

——— 2022

Рыко А. И., Спиричева М. В. Степень сохранности диалектных черт у представителей разных поколений (Хиславичский район Смоленской области), *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»*, 2022, 5, 121–141.

Скачедубова 2018

Скачедубова М. В., Об интерпретации -л-формы без связи в плюсквамперфектных контекстах в Ипатьевской и 1-й Новгородской летописях, *Вопросы языкознания*, 2018, 5, 64–76.

Трубинский 1983

Трубинский В. И., Результатив, пассив и перфект в некоторых русских говорах, *Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект)*, Ленинград, 1983, 216–226.

——— 1984

Трубинский В. И., *Очерки русского диалектного синтаксиса*, Ленинград, 1984.

Цейтина 2022

Цейтина Е. И. Конструкции с причастиями в предикативном значении в русских говорах, выпускная квалификационная работа, НИУ ВШЭ, 2022.

Шетнево, Makeevo

Ron'ko R., Azanova A., But'enko Z., Zambrzhickaya M., Marchenko I., Mochulskij D., Tsejtina E., *Corpus of Shetnevo and Makeevo 2022*, Moscow, Linguistic Convergence Laboratory, HSE University, V. V. Vinogradov Russian Language Institute Russian Academy of Science (<http://lingconlab.ru/shetnevo/#1/>)

Dahl 1980

Dahl Ö., *Tense-Mood-Aspect Progress Report*, *Gothenburg papers in theoretical linguistics*, 1980, 6. 1980, 1–42.

——— 1985

Dahl Ö., *Tense and aspect systems*, Oxford, 1985.

Danylenko 2005

Danylenko A., *Is there any possessive perfect in North Russian?*, *WORD*, 2005, 56/3, 347–379.

Giger 2003

Giger M., *Resultativa im modernen Tschechischen. Unter Berücksichtigung der Sprachgeschichte und der übrigen slavischen Sprachen*, Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Mein, New York, Oxford, Wien, 2003.

Jung 2014

Jung H., *Conditioning factors in the development of the -vši perfect in West Russian*, *Contemporary Approaches to Dialectology. The Area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects*, Bergen, 2014, 195–215.

Piskorz 2012

Piskorz J., *Die Grammatikalisierung eines neuen Perfekts im Polnischen*, München, Berlin, Washington, 2012.

Seržant 2012

Seržant I. A. *The so-called possessive perfect in North Russian and the Circum-Baltic area. Diachronic and areal account*, *Lingua*, 122 (4), 356–385.

Wiemer 2017

Wiemer B., *Slavic Resultatives and Their Extensions: Integration into the Aspect System and the Role of Telicity*, *SLAVIA*, 2017, 2–3(86), 124–168.

Wiemer, Giger 2005

Wiemer B., Giger M., *Resultativa in den nordslavischen und baltischen Sprachen (areale und grammatikalisierungstheoretische Gesichtspunkte)*, München, Newcastle, 2005.

References

Dahl Ö., *Tense-Mood-Aspect Progress Report*, *Gothenburg papers in theoretical linguistics*, 1980, 6. 1980, 1–42.

Dahl Ö., *Tense and aspect systems*, Oxford, 1985.

Danylenko A., *Is there any possessive perfect in North Russian?*, *WORD*, 2005, 56/3, 347–379.

Dyachenko S. D., Zhidkova E. G., Malysheva A. V., Ronko R. V., Ter-Avanosova A. V., *Dialectological expedition to Opochna district, Pskov region*, *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2018, 2 (36), 257–313.

Dyachenko S. D., Zhidkova E. G., Ter-Avanosova A. V., *Past participles and perfect constructions in Opochna dialects*, *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2020, 1 (23), 53–88.

Ermolova M. V., *Ob odnom raznochtenii v Novgorodskoi Pervoi letopisi starshogo i mladshogo izvodov*, *VAProsy iazykoznanii: Megasbornik nanostatei. Sbornik stateti k iubileiu V. A. Plungiana*, Moscow, 2020, 529–533.

Ermolova M. V., *The relationship between l-forms and -vš-/-vš'-participles in Old Russian*, *Voprosy Jazykoznanija*, 2020, 3, 78–100.

Ermolova M. V., *On the Participial Functioning of the l-form in the History of the Russian Language in the Light of Russian Dialectal Data and the Material of the Other Slavic Languages*, *Slověne*. 2022, 11/1, 245–280.

Giger M., *Resultativa im modernen Tschechischen. Unter Berücksichtigung der Sprachgeschichte und der*

übrigen slavischen Sprachen, Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Mein, New York, Oxford, Wien, 2003.

Jung H., Conditioning factors in the development of the -vši perfect in West Russian, *Contemporary Approaches to Dialectology. The Area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects*, Bergen, 2014, 195–215.

Kuzmina I. B., Nemchenko E. V., *Sintaksis pričastnykh form v russkikh govorakh*, Moscow, 1971.

Kniazev Yu. P., *Grammaticheskaia semantika. Russkii iazyk v tipologicheskoi perspektive*, Moscow, 2007.

Makarova A. L., O formakh i funktsiakh perfekta v zapadnomakedonskikh dialektakh, *Acta linguistica petropolitana. Trudy Instituta lingvistsicheskikh issledovaniĭ RAN*, 12, 2: Issledovaniia po teorii grammatiki, 7: Tipologĭia perfekta, St. Petersburg, 2016, 217–234.

Maslov Yu. S., Rezul'tativ, perfekt i glagol'nyi vid, *Tipologĭia rezul'tativnykh konstruktii (rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt)*, Leningrad, 1983, 41–54.

Maslov Yu. S., *Izbrannye trudy. Aspektologĭia. Obshchee iazykoznanie*, Moscow, 2004.

Nedyalkov V. P., Yakhontov S. E., Tipologĭia rezul'tativnykh konstruktii, *Tipologĭia rezul'tativnykh konstruktii (rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt)*, Leningrad, 1983, 5–41.

Piskorz J., *Die Grammatikalisierung eines neuen Perfekts im Polnischen*, München, Berlin, Washington, 2012.

Plungian V. A., *K tipologii perfekta v iazykakh mira: Predislovie*, *Acta linguistica petropolitana. Trudy Instituta lingvistsicheskikh issledovaniĭ RAN*, 12, 2: Issledovaniia po teorii grammatiki, 7: Tipologĭia perfekta, St. Petersburg, 2016, 7–36.

Pshenichnova N. N., *Tipologĭia russkikh govorov*, Moscow, 1996.

Ronko R., Azanova A., Anisimov A. D., Voitovich E. E., Zalivina E. A., Zemlyanskaya S. A., Marchenko I. A., Mochulskiy D. I., The dialect of the villages Shetnevo, Makeevo, Sh'elkino, Terekhovo and Stepan'kovo of the Zapadnodvinskij district, Tver oblast'. A grammar sketch and field notes, *Russkij iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2023, 1 (45), 216–262.

Ryko A. I., Prichastiia na -shi v odnom zapadnorusskom govore toropetsko-kholmnskogo regiona, *Russkij iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2002, 2 (4), 171–193.

Ryko A. I., Spiricheva M. V., The degree of preservation of dialectal features in different generations (Khislavichi district of the Smolensk region), *RSUH/RGGU Bulletin: "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies"*, Series, 2022, 5, 121–141.

Seržant I. A. The so-called possessive perfect in North Russian and the Circum-Baltic area. Adiachronic and areal account, *Lingua*, 122 (4), 356–385.

Skachedubova M. V., On the interpretation of I-forms without auxiliary used in pluperfect contexts in Hypatian Chronicle and The First Novgorodian Chronicle, *Voprosy Jazykoznanija*, 2018, 5, 64–76.

Trubinsky V. I., Rezul'tativ, passiv i perfekt v nekotorykh russkikh govorakh, *Tipologĭia rezul'tativnykh konstruktii (rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt)*, Leningrad, 1983, 216–226.

Trubinsky V. I., *Očerki russkogo dialektного sintaksisa*, Leningrad, 1984.

Wiemer B., Slavic Resultatives and Their Extensions: Integration into the Aspect System and the Role of Telicity, *SLAVIA*, 2017, 2–3 (86), 124–168.

Wiemer B., Giger M., *Resultativa in den nordslavischen und baltischen Sprachen (areale und grammatikalisierungstheoretische Gesichtspunkte)*, München, Newcastle, 2005.

Zakharova K. F., Orlova V. G., *Dialektnoe chlenenie russkogo iazyka*, Moscow, 2004.

Мария Вадимовна Ермолова, кандидат филологических наук,

старший научный сотрудник

Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2;

научный сотрудник

Международной лаборатории языковой конвергенции

Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики»

105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 5

Россия / Russia

maria-anna2121@yandex.ru

Георгий Алексеевич Мороз, кандидат филологических наук,
научный сотрудник
Международной лаборатории языковой конвергенции
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 5
Россия / Russia
agricolamz@gmail.com

Received January 1, 2024